

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

ся как цветовой и "тканевый" прежде всего.

Этот "треугольник" видимо не случаен, ибо он присущ обоим стихотворениям корейского автора. Следует отметить, что он не встречается ни в одном из известных нам китайских вариантов мифа о Пастухе и Ткачихе. Это наводит на мысль, что за этими стихотворениями Ли Губо может стоять какой-то неизвестный нам корейский миф.

1. Существует множество китайских версий этого мифа, дожившего до наших дней в записях календарных празднеств, в таких видах искусства как китайская народная картина и современная драма и, наконец, в поэтических текстах. Наиболее популярный вариант мифа см. /2, 135-138/, другие варианты см. /9, 370-373/, /II, 189-191/, /I, 236/.
2. Миф о Хэн-э см. /II, 179/, /IO, 480-485/, /2, 180-200/.
3. О Стрелке Хоу И как о солнечном божестве, получившем в награду за свои заслуги дворец на Солнце, см. /II, 179/.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.М.Алексеев. Китайская народная картина. М., 1966.
2. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965.
3. Пэйвэнь вньфу (Словарь рифм). Т. I-6. Шанхай, 1931.
4. Тонгук И сангук чип (Сборник министра Восточного государства - И). Т. I-VII. Сеул, 1984 (Серия "Коджон кугёк чхонсо", т. I66-172).
5. Тонмунсон (Избранные произведения литературы Восточного /государства/), сост. Со Годжон, ксилограф, /б.м./, /б.г./.
6. Цыхай, Шанхай, 1940.
7. Чосон маль саджон (Словарь корейского языка). Т. I-6. Пхеньян, 1960-1962.
8. Asiatic Mythology. New York, /1963/.
9. J.Bredon and I.Mitrophanow. The Moon Year. Shanghai, 1977.
10. J.J.M. de Groot. Les Fêtes Annuellement Célébrées à Amoy (Amoy). - "Annales du Musée Guiment", т. 12. Paris, 1886.
11. E.T.C.Werner. Myths and Legends of China. London, 1934.

Г.Д.Иванова

КРИТИКА ЕВРОПЕИЗАЦИИ В ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX вв.

Два с половиной столетия Япония пребывала в изоляции - вплоть до середины прошлого века. Въезд в страну иностранцам был запрещен (исключение делалось для голландцев и китайцев, чьи су-

да ограниченно допускались в порт Нагасаки). Японцы не имели права покидать пределы своего архипелага под страхом смертной казни. Длительная оторванность от мира ослабила страну, с каждым десятилетием углублялся ее экономический и культурный застой. Выйти из него можно было, лишь отворив двери для внешних контактов.

В первой половине 1850-х гг. начали устанавливаться связи с западными державами. Дипломатические и торговые соглашения ввиду слабости Японии оказывались неравноправными: иностранцы выговаривали себе право экстерриториальности, японцы не определяли таможенные пошлины на ввозимые к ним товары. Условия, продиктованные с позиций силы, оскорбляли национальное достоинство. Поэтому освобождение от кабальных договоров стало одной из главных политических целей Японии, пока, наконец, к самому концу прошлого века не удалось добиться их пересмотра.

Необходимость противостоять западным державам диктовала буржуазному правительству, пришедшему к власти в 1868 г., создавать "богатое государство и сильную армию". В целях скорейшего выхода из отсталости политика правительства обратилась "лицом к Западу". Таким образом, соединились тенденции обновления Японии и ее европеизация, совпали они и с курсом на милитаризацию.

Нужда в кадрах, способных осуществлять перестройку хозяйства, управления, культуры, побуждала правительство приглашать иностранных специалистов; параллельно за рубеж посылались японские студенты и стажеры. Благодаря этому за два-три десятилетия в стране удалось провести существенные преобразования. Построили первые железные дороги, провели телеграфную сеть, на месте ручного труда было налажено машинное производство. Для каждой области жизни японцы отбирали наиболее подходящие для себя модели на Западе, что давало возможность быстрого обновления.

Модернизацию духовной жизни возглавило просветительское общество Мэйрокуся (Общество шестого года Мэйдзи), созданное в 1873 г. Его ядро составляли Фукудзава Юкити, Ниси Аманэ, Накамура Масанао, Нисимура Сигэки и др. Учителя, переводчики, журналисты, эти люди несли соотечественникам информацию о Западе и призывали к соответствующим преобразованиям у себя. Их реформаторская мысль простиралась на широкий круг вопросов - от преобразования иероглифической письменности до утверждения моногамной семьи.

Первая волна европеизации в целом не встречала серьезного сопротивления. Отношение общества к этому процессу начало явно меняться с середины 1880-х гг. Тогда всколыхнулось т.н. японофильство (нихонсюги), центром которого явилось Сэйкёся (Общество по-

литического образования, 1888 г.) во главе с Мидзэ Сэцурэй. Японофилы выступали против низкопоклонства перед Западом, критиковали политику правительства и такие издержки индустриализации как, например, отравление пахотных земель в районе медных рудников Асио. Японофилы напоминали об уникальной ценности отечественной культуры, призывали "охранять национальную красоту". Предостерегая от утраты накопленных традиций, они по-своему способствовали становлению национального самосознания японцев на новом этапе развития. Идеологами "нихонсюги" была выработана компромиссная формула "Техника - с Запада, мораль - с Востока" (вакон ёсай).

Два направления общественной мысли - просветители и японофилы отдаленно напоминали западников и славянофилов в России; внешне они выглядели антиподами, между тем, обе группы мыслителей внесли свой вклад в формирование комплексной культуры, в которой постепенно сплавлялись элементы Востока и Запада.

Европеизация как форма обновления являлась исторически необходимым стимулом дальнейшего развития Японии. Вместе с тем это была большая ломка, болезненный, драматический процесс, о чем свидетельствует вся литература нового времени.

Общепризнанно, что крупнейшими писателями этого периода являлись Нацумэ Сосэки (1867-1916) и Мори Огай (1862-1922). Оба они подолгу жили в Европе: Огай четыре года в Германии, Сосэки три года в Лондоне. Оба переводили европейских авторов, причем, не только соответственно немецких и английских; их интересы простирались шире; Огай, например, обращался и к русским писателям (Достоевскому, Л. Андрееву и др.). Соприкосновение с мировым духовным наследием расширило их горизонты, сообщило мощный импульс их деятельности. По возвращении на родину оба вели большую просветительскую работу - преподавали, выступали с публичными лекциями, сотрудничали в прессе. Чрезвычайно знаменательно, что оба они при этом высказывались о европеизации своей страны осторожно и неоднозначно.

Нацумэ Сосэки в статье "Современная японская цивилизация" (Гэндай нихон буммэй-но кайка, 1911) называл европейскую культуру в Японии "экзогенной" (гайтэки). Прежние иноземные влияния (из Кореи, Китая), писал он, приходили исподволь, на протяжении веков; корейская и китайская культура успевала адаптироваться на японской почве и как чужеродная не воспринималась. Европейские же понятия хлынули в считанные годы, их резкий натиск породил перекося в сознании японцев. Большинство западных новшеств касалось сферы производства. Происходила "машинизация жизни", которая,

по мнению Сосэки, не способствовала духовному прогрессу нации. Выхваченные из всей сложности европеизма технические знания не развивали человеческого в человеке, они вытесняли прежний комплекс ценностей, взамен же давали сомнительные блага. "Япония в постоянной опасности" (Нихон-ва ицумо кикэн нари, 1915) озаглавлена статья Сосэки, написанная в период первой мировой войны. Констатируя появление таких новинок как аэропланы и подводные лодки, Сосэки выражает сомнение, что обладание ими сделало японцев счастливей.

Международные контакты, перестройка всего уклада жизни на буржуазный лад существенно меняли мировоззрение японцев. Прежнее групповое сознание (сословное, профессиональное) вытеснялось идеей ценности каждой человеческой личности.

Однако концепция индивидуализма (кодзинсюги) усваивалась при этом однобоко - прежде всего как ничем не стесненные права человека. В статье "Мой индивидуализм" (Ватакуси-но кодзин-сюги, 1915) Сосэки указывал, что истинный индивидуализм - это не только свобода личности, но и неукоснительное исполнение долга. Забвение второй части формулы принесло японцам всевозможные беды: расцвел эгоцентризм и как его неизбежные спутники - одиночество, отчужденность от людей. "Нет мостов от одного человека к другому" - таков вывод героя рассказа "Прохожий" (Кодзин, 1914), отчаяние которого граничит с умопомешательством. Сознание вины перед другом доводит до самоубийства персонажа романа "Сердце" (Кокоро, 1914). Целую галерею мэйдзийских интеллигентов вывел Сосэки; утверждая "собственное Я", они чувствуют себя неустойчиво "как в чужой обуви, надетой по ошибке". По мнению современного исследователя Дои Такэо, Сосэки представил в своих романах исчерпывающую психиатрическую экспертизу японского общества. Сегодня это может показаться неожиданным, но трагическое мироощущение своих современников Сосэки во многом относил за счет европейского натиска. "Давление Запада мешает нам свободно мыслить и с пользой работать. Получив куцее образование, человек работает до полного изнеможения и в результате становится неврастеником"¹.

Свой счет к современности предьявлял и Мори Огай. На зыбкой почве поверхностной эмансипации разворачивается трагедия японского юноши, попавшего в Германию ("Танцовщица", 1890). Ота Тоётаро полюбил молоденькую немку. Элиза уже ждала от него ребенка, но Ота испугался сложностей, связанных с женитьбой на иностранке. Почти без сопротивления он сдался на уговоры соотечественников оставить ее и немедленно вернуться на родину. Покинутая Элиза

сошла с ума, он же до конца своих дней терзался сознанием непростительной вины перед нею. Плохо усвоенная "свобода собственного Я" никому не принесла счастья.

Лучшую часть творчества Огай составляла историческая проза. Погружаясь в стихию прошлого, в жизнь самурайства периода расцвета феодализма, писатель уходил от того, что тревожило в окружающей действительности. Подобное "погружение" демонстрирует его повесть "Семья Абэ" (Абэ итидзоку, 1913). По соображениям феодальной чести самураи один за другим совершают харакири. Наконец, волею сюзерена оказывается поголовно истребленным весь род Абэ, которых сочли мятежниками. Писатель не ужасается жестокости массового кровопролития, он воздерживается от оценки прошлого с точки зрения человека XX века. В обычаях и ритуалах, которым следуют его герои, Огай как бы вместе с ними находит определенную гармонию. Создается впечатление: он понимает нечто такое, что выходит за рамки современных соображений по поводу происходящего.

Глубинное слияние писателя с национальным прошлым ощущается в поздних биографических произведениях ("Сибуэ Тусай", 1916, и др.). Создавая жизнеописание врачей периода Эдо, Огай чувствует себя органической частью изображаемого им мира (его собственные предки являлись учеными-лекарями в годы позднего средневековья). Творчество Огай неразрывно связано с национальной почвой. Что касается европеизации, то он призывал к осторожности, касалось ли дело научных новшеств или, тем более, сферы человеческой души.

Слова предостережения можно найти у многих литераторов конца прошлого - начала нынешнего века: Поэт-романтик Китамура Тококу (1868-1894) предрекал "ужасающие несчастья", если Япония пойдет намечившимся путем исключительно "материальной цивилизации". Наиболее опаснейшей из болезней, когда-либо поражавших японцев, назвал подражательность и прагматизм критик Накадзава Ринсэн. Нагаи Кафу (1879-1959), смолоду восторженный поклонник Запада, с годами безраздельно погрузился в старинное японское искусство - гравюры "укиёэ", театр "кабуки", мелодекламацию "киёмото". Бездумная европеизация вносила, по его мнению, в японский жизненный уклад диссонанс и безвкусицу. "Париж, - писал он, - это сама подлинность, столь же подлинным, т.е. соответствующим своей, а не чужой истории, должен быть и Токио".

Литература

1. Нацумэ Сосэки "Сансиро. Затем. Врата", М., 1973, с. 238.
2. Нацумэ Сосэки. Гэндай нихон буммэй-но кайка (Современная японская цивилизация), Гэндай нихон бунгаку дзэнсю, т. II, Токио,

Тикума себо, 1954, с. 386–395.

3. Дои Такэо. Амаэ-но кодзо (Анатомия "благоприятствования"), Токио, 1972.
4. Кобори Кэйитиро. Мори Огай-но сэкай (Мир Мори Огай), Токио, 1971.
5. Мори Огай дзэнсю (Полное собрание сочинений Мори Огай). Т. I–8, Токио, 1971.

К.Б.Кепинг

ТАНГУТСКИЙ ПЕРЕВОД "ПЕСНИ ОБ ОСЕННЕМ ВЕТРЕ"

В тангутском переводе китайской энциклопедии сюжетов "Лес категорий" дважды приводится один и тот же рассказ о том, как ханьский У-ди¹ написал погребальную песню на смерть своей любимой жены Ли фужэнь (цзвань VI, рассказ № 216, далее № 216 и цзвань IX, рассказ № 334, далее № 334).² В обоих случаях приводится текст погребальной песни, состоящей из восьми строк по семь иероглифов. По содержанию она совпадает с широко известной в китайской поэтической традиции песней в жанре цуцзю 秋風辭 "Песней об осеннем ветре" (далее – "Песней"), принадлежащей ханьскому У-ди.

В № 334 в качестве источника, откуда извлечен данный рассказ, указывается 前漢書 Цянь Хань шу "История Ранней ханьской династии". Действительно, здесь зафиксировано стихотворение, написанное ханьским У-ди на смерть Ли фужэнь,³ однако по содержанию оно не имеет ничего общего с тем, которое приводится в "Лесе категорий". В антологии китайской поэзии интересующего нас периода "Песня" состоит из девяти (а не восьми, как в тангутском переводе) строк – восемь строк в основном совпадают с тангутским переводом, последняя девятая строка в тангутском переводе отсутствует; кроме того, во второй строке не семь, а восемь иероглифов – после иероглифа 黃 хуан "желтый" добавлен еще иероглиф 落 ло "опадать" – этого иероглифа в тангутском переводе также нет. В комментарии песня трактуется как ритуальная, посвященная поездке ханьского У-ди в храм Божества Земли.⁴ Приведем перевод песни и комментарий к ней, сделанный В.М.Алексеевым.⁵

Осенний ветер

Напевные строфы

Владыка на своем пути осчастливил посещение страну на восток от Реки. Совершил богослужение в храме Царицы Земли. Обер-